

Почти тридцать лет из своих пятидесяти пяти Михаил Барышников прожил вне России. И все это время воздерживался от диалога с родиной. Для *Газеты* Барышников недавно сделал исключение, да и то только потому, что вынужден был опровергать слухи о своем уходе из балета. Молчание великого танцовщика — не повод не поздравить его с днем рождения. С коллегами, друзьями и знакомыми Михаила Барышникова специально для *Газеты* пообщался Андрей Мурзин.

«Бродский тут же сочинил: «мы видели сегодня мишку, мы подарили Мишке книжку»

Натан Шлезингер, продюсер
Я познакомился с Мишей на презентации книги, которую о нем написал Геннадий Шмаков — очень был известный в эмигрантских кругах человек, к сожалению, ныне уже покойный. Представление книги происходило в доме Александра Либермана, знаменитого светского денди, руководителя Vogue и мужа Татьяны Яковлевой, которая когда-то была пассией Маяковского. Было роскошно. Дамы в вечерних платьях и бриллиантах, мужчины не во фраках, но тоже парадно. И появился Миша в ковбойке. Только он мог себе это позволить. И начались шутки, смех, анекдоты. Он умеет всех очаровать. Потом много встречались в «Русском самоваре» в Нью-Йорке, где у меня была доля, которую я позже продал Барышникову — он меня попросил. Да я бы и так ему отдал, ведь он гений. А общение с гениями — вещь особенная. Когда они с тобой здороваются — ты рад, когда они с тобой говорят — ты счастлив, а уж если они тебе улыбаются — ты просто на верху блаженства. Это и о Барышникове, и о Бродском, с которым он очень дружил и которого я продюсировал.

Помню, мы приехали в Танглвуд — это в Америке — там есть деревянный театр в лесу, и Миша давал свой сольный концерт. И перед началом концерта вдруг из леса показался медведь самый настоящий. Ну, кое-как прогнали его. А Бродский тут же сочинил: «Мы видели сегодня мишку, мы подарили Мишке книжку» — и вручил новый томик своих стихов Барышникову после концерта.

К сожалению, не осуществился потрясающий проект — постановка «Анны Карениной» с Мишей в роли Вронского. Это хотел сделать Викток. Должно было быть пять героев. Анна — Ирина Метлицкая, красавица. Фото было сделано Валерой Плотниковым, роскошный ее портрет в образе Анны. Каренин — Смоктуновский. Ну, думали, что Барышников не согласится, конечно, потому что чем платить, да и занят все время. А он выказал интерес. Представляете, что бы это было?... И когда мы поехали на встречу с Мишей, то Викток не приехал, и ничего не осуществилось. Наверное, просто он струсил. Он не был готов к разговору. Жалко...

«вы знаете, что Барышников теперь с бородой?»

Леонид Лубенецкий, фотограф, США, Нью-Йорк:

Я познакомился с Мишей уже больше сорока лет тому назад. Это было в Ленинграде, когда туда приехал детский балет из Риги. Руководила им такая Тангива-Березник. Я работал на телевидении, где уже делал свое обозрение по искусству «Холст». И Борис Александрович Толчинский — в прошлом адъютант Василия Сталина (за что и отсидел десять лет), а теперь мой начальник, человек очень образованный и знавший толк в искусстве, — позвонил мне в субботу ночью и сказал, чтобы для воскресного выпуска я обязательно снял юных танцоров и особенно обратил внимание на одного удивительно талантливого блондина. Догадываетесь, на кого? И я обратился. А когда стали смотреть, что я снял, то сказали: «Что это — замедленный кадр?» Съёмка вовсе не была замедленной, просто Миша завис в воздухе. Просто висел! Это было чудо. А ему было всего четырнадцать лет.

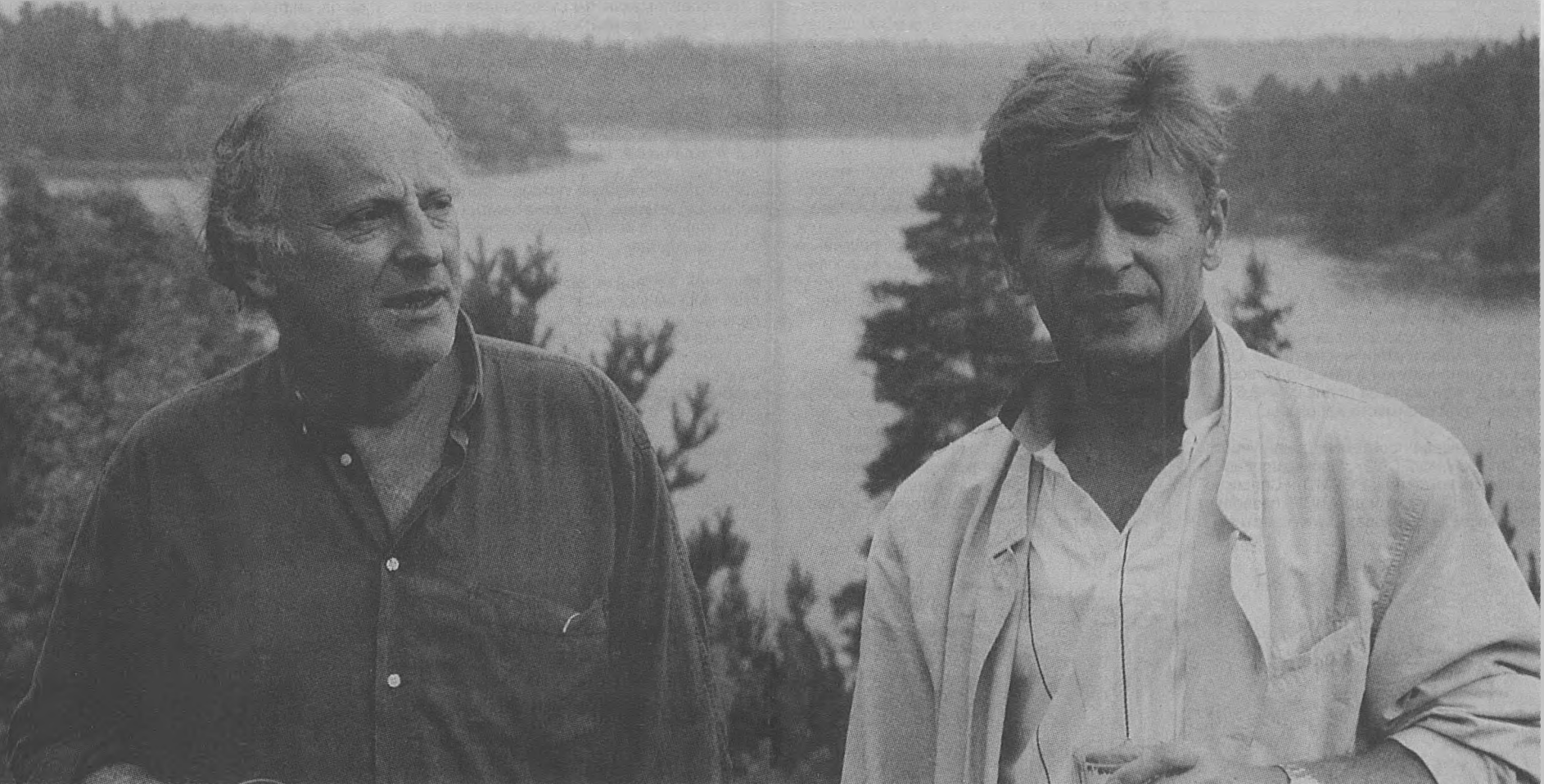
Он занимался в Вагановском училище, как и Нуриев, у Александра Пушкина — прекрасного педагога. Пушкин вначале брать его не хотел — слишком поздно. Но все же взял, уговорила преподавательница Миши, Дина Иоффе — она сейчас в Париже живет. Спустя несколько лет Миша завоевал первую премию в Варне и сразу же стал солистом Кировского театра. Когда я собрался уезжать в Америку и зашел попрощаться с Витей Новиковым, моим старым другом и другом Миши — сейчас он работает в театре Комиссаржевской, — пришел и Барышников. Витя сказал ему: «Подержишь за этого человека, он уезжает в Америку». Миша посмотрел на меня такими глазами...

Потом мы встретились в Америке, куда Барышников попал из Канады, он ведь там стал невозвращенцем. Рванул из Канады в Штаты. В 1974 году. И слава Богу. Как-то я спросил у него — это уже были восьмидесятые, он станцевал десятки балетов, имел невероятный успех: «Не жалеешь, что уехал из СССР?» — «Да что ты, если б я не отвалил, сгнил бы, танцая одно только «Лебединое озеро». Он работал очень много. И я особенно помню один балет — не знаю, как на русский перевести это название: «Нашла коса на камень», что ли, или «Когда дальше уже некуда», — который шел в New York City Ballet. Это был модерн, который поставила Твайла Тарп, и он танцевал его так, что зал гудел, а потом, когда танец закончился, взорвался. И снова был его полет... Но какой за этим был труд!

Барышников — из тех, кто служит балету, служит искусству. Вот Нуриев, быть может, работал прежде всего как-то для себя, а Барышников оказал колоссальное влияние на балет в Америке. В стране открылись десятки школ, появились балетные труппы. Ведь здесь считали раньше,

“на вопрос, что ты сейчас делаешь, он отвечает: “арбайтен”

Михаилу Барышникову — 55

«у тебя паспорт с собой?»

27 января родился Михаил Барышников, а в ночь с 27 на 28 января (1996 года) умер Иосиф Бродский. Еще один повод для Барышникова не отмечать свой день рождения. Бродский и Барышников стали друзьями там, где многие «бывшие» русские становились врагами: в эмиграции. Об этой дружбе рассказано много, но, пожалуй, самым романтичным и грустным является «шведский» анекдот о том, как Барышников и Бродский чуть не вернулись на родину. Увидев однажды в порту паром Стокгольм — Петербург, друзья переглянулись, а Бродский спросил: «У тебя паспорт с собой?»

В 1992 году на даче, которую снимал Иосиф Бродский под Стокгольмом, друзья запечатлел шведский профессор-славист Бендт Янгфельдт, любезно предоставивший это фото специально для Газеты. Мы публикуем его впервые.

Фотограф: Бендт Янгфельд

что балет — это такое сюси-пуси. А Миша показал, что это мужественно, красиво. И восхищались им повсюду. Я помню, мы приехали в заштатный городишко Луисвилл, столицу Кентукки, где всего лишь одна серьезная улица — Мохаммеда Али, ибо он здесь родился, и пошли повестъ в «Макдоналдс», потому что не было рядом даже подходящего места. Сели в углке. И вдруг за окном прошли школьники. Прошли, а потом вернулись, подошли к нам и спросили: «Вы — мистер Барышников?» — «Да, это я». — «А можно автограф?» И он стал им подписывать на ресторанных салфетках. А другая картинка — девятилетняя Ромола Нижинская пришла к Мише в Париже за кулисы — вся в мехах и бриллиантах. «Миша, дорогой, вы так танцевали — как Вацлав, у вас такой прыжок!..»

А Джуди Джемисон — знаменитая чернокожая балерина — сказала: «Он единственный белый, который танцует, как черный!». Речь — о его невероятной пластике. И такой же высокой похвалы он удостоился от чернокожей Нэл Картер, которая выступала с Мишей в известном шоу «Барышников на Бродвее». После совместной поездки в Китай Исаак Стерн — блистательный скрипач — устроил в его честь прием в ресторане «Консерватория». Такой камерный ужин...

Его знали повсюду... Феллини подарил ему совершенно уникальную книгу со своими рисунками... А вы знаете, почему такие восторги, такое отношение? Потому что мозги у Миши — не в ногах, а в голове. Потому что поразительно скромен, несмотря на всемирную славу. И образован. Играет на рояле, собирает живопись, а какой фотограф! Сейчас в фотожурнале «Аппретура» — здесь, в Америке — выйдет о нем статья с его фотороботами. Я горд, что помогал Мише учиться снимать. Он очень быстро все схватывал — потрясающие визуальные способности. И потом снимал повсюду — и в Таиланде, и в Японии. И еще он очень сильный человек. Ведь была страшная трагедия. Он сломал ногу, году в 75-ом. И думал, что все, конец карьеры — ходил на костылях. Но организм выдержал, он выбрался и стал танцевать снова. Я снимал его на протяжении лет двадцати постоянно. Мы много с ним ездили по миру, я снимал потрясающие премьеры. Но... когда у меня сгорела студия — десять лет назад, — столько пропало, и что-то навсегда...

Вы знаете, я успел убедиться в том, что он гениальный человек. Не только артист гениальный, но и человек тоже. Потому что он удивительно добрый. Скольким людям он помог. Я помню, как Миша бегал к Баланчину, который был уже очень плох, и носил ему еду, шашлыки, которые Джордж так любил. И он никому не рассказывал об этом.

Никакой помпы, рекламы, никаких, извините, понтов. Помню, умирал блестящий фотограф Макс Вальдман, который сейчас незаслуженно забыт. Он лежал в Рузвельт-госпитале и сказал мне: «Как я хотел бы перед смертью повидать Мишу». И я попросил Барышникова зайти к Максу. Он пошел вместе со мной, и они долго говорили. Макс позвонил мне наутро и сказал: «Ты знаешь, я не спал всю ночь, я был так рад, что Миша пришел». О веселом? Тут далеко не надо ходить. Знаете, что делает дней тому назад, когда я видел Мишу, он был с бородой? Представляете себе? Она у него темная. И это не впервые, между прочим. Миша уже отпущал бороду в семидесятые. Я хотел его таким снять обязательно, бегал за ним «с топором», а он улетал тогда в Канаду сниматься в «Щелкунчике». Но все же забежал ко мне, и я сделал фото. И у меня же он сбрил бороду. Ведь Щелкунчики с бородой не бывают.

«говорят, с годами он стал грустнее, но ведь только идиот с годами веселеет»

Юз Алешковский, писатель, США:
Мише — 55 лет. Но он не тот человек, который увлекается обилеями или что-то такое помпезное и пышное любит устраивать. Мы, разумеется, выпьем и закусим где-нибудь. Без помпы. А интересен он своей личностью, своими суждениями, своими беседами о поэзии, об искусстве. Известность для него вовсе не стала помехой. А известен он абсолютно, как был известен и его друг Иосиф Бродский. Причем Барышников еще более знаменит, ибо искусство балета более доступно, чем русская поэзия. Я не знаток и даже не любитель балета, но то, что делает Миша, — это просто чудо. Чудо пластики в том числе. Но он еще и киноартист. То, что Барышников сделал в «Белых ночах», интересно, потому что ему это было близко. Говорят, что он с годами стал грустнее, но ведь только идиот с годами веселеет — да? Да и картина мира вряд ли настраивает на такое уж веселое. Русский он или американец — как любить спрашивать — не понимаю таких вопросов... Кто был Баланчин — американец или русский?... И еще об одном. Он редкой доброты человек. Совсем недавно Миша помог мне в очень тяжелом положении — не буду уточнять, в каком, не стоит. А то, что о нем сплетничают, говорят, что он выжил Годунова, — это просто чепуха, ерунда. Человека такого достоинства, как Михаил Барышников, просто не способен на поступки такого рода.

«когда Миша уехал, в училище пришли гзбисты и изымали все, что связано с ним»

Алла Сигалова, хореограф:
Он казался нам, ученикам Вагановского училища, пришельцем из другого мира, небожителем, и потому, когда мы видели, что Барышников идет с бутылкой кефира в сумке, это казалось нам чем-то неестественным. Когда я видела его на сцене, это была такая непостижимая техника, такое невероятное объясние, он притягивал, источал какой-то свет вокруг себя. Особенно помню «Сотворение мира», где Барышников танцевал Адама, и, конечно, в «Дон-Кихоте» — непревзойденный Базиль. После спектакля уже закрывали всю мебель белыми чехлами, а публика все аплодировала... Безусловно, он невероятно эротичен, но его эротизм не такой, как, скажем, был у Нуриева — брутальный — нет. У Барышникова он светлый. Конечно, было просто какое-то счастье так часто видеть Мишу, и нельзя было не влюбиться в него. Но, увы, все это довольно быстро кончилось — наше детское счастье, так как он уехал, а в училище пришли гзбисты и стали изымать из библиотеки все, связанное с Мишей. А мы воровали фотографии Барышникова потихоньку, прятали их в туалете за бачком. Помню даже, как лентки у нас тряслись от страха — мы ведь хоть и маленькие были, а понимали, что дяделки эти какие-то неприятные. Фото у меня до сих пор сохранились — несколько штук. А Мариэтту Харлампиевну — нашу легендарную, такую добрую и милую библиотекаршу — выгнали за переписку с Мишей. Потом я встретилась с Барышниковым осенью 1998 года, когда он приехал на могилу мамы вместе с детьми и танцевал в Рижской опере. В первом отделении шел мой Дивертисмент, который превратился со временем в «Желтое танго», а потом Мишина программа. Что творилось в Ри-

«Съемка вовсе не была замедленной, просто Миша завис в воздухе. Это было чудо. А ему было всего четырнадцать лет»

Леонид Лубенецкий о Михаиле Барышникове — Газете

ге!.. Всю неделю. Приехали из Петербурга, из Москвы. Мы репетировали в разных залах, но я, конечно, приходила смотреть на его репетиции. Миша был уже какой-то другой. Его танец остался светлым, но и появились какие-то суровые черты, какая-то графичность в танце, прыжков не было, но мастерство невероятное.

Дирижер просто настоял, чтобы я пошла к Барышникову, я не хотела — зачем? Надоедать... Да еще я встретила в фойе репетиционного зала мальчика с собачкой, накричала на него — ну представляете, в театре и с собачкой. А это был Мишин сын. Я потом только узнала... Барышников открыл дверь в своем номере в небольшой приятной гостинице, был мягкий, совершенно естественный. Но я увидела безумно уставшего человека, грустного, очень красивого, в которого по-прежнему нельзя было не влюбиться. Мы говорили, наверное, около часа, пили — кажется, воду или, быть может, сок. Я спросила его: «Когда-нибудь вы приедете в Петербург? Что для вас этот город?» Он посмотрел на меня такими глазами... Все стало ясно. «Когда-нибудь... Может быть?», — ответил. Понимаете, это ведь так просто — вернуться. Петербург — город, который приносит невероятную радость и неизмеримое страдание. Быть может, он увидит совсем не его город...

«еду он любит простую, как все мы, русские: шашлык, пельмени, селедку с картошкой»

Роман Каплан, хозяин ресторана «Русский самовар», Нью-Йорк:
Вы знаете, что Миша прекрасно играет на рояле? Когда в ресторане не так много людей, он любит музицировать. И вообще то, что говорит про него — не любит общаться, замкнут, — совершенно не так. Он общителен. Общается и с Джессикой, вот с Лайзой Минелли — не знаю, у нее ведь были большие трудности, как вы знаете. Просто он, скажем так, не любит помпы. Выпить, закусить — почему нет? Еду он любит простую, как и все мы, русские: шашлык, пельмени, селедку с картошкой... Ведь для нас это самое вкусное, а не фуа гра. Пить любит настойки, которые я тут возродил. Он любит клюквенную, а Бродский покойный предпочитал хреноуху и кедровую.

С Бродским дружба была огромная. И сегодня Миша, когда куда-нибудь едет, у него в руках всегда томик Иосифа. И вот видите как: день рождения Барышникова совпадает с днем кончины Бродского... Друзей у него много, многим он очень помогал — и помогает. И Гене Шмакову помогал, когда тот болел и умирал в Париже. И нам в ресторан купил на свои деньги роскошный белый роаль «Ямаху» — предлагаете? Но нельзя помочь всем на свете, а потом, почему-то многие считают, что если они приехали в Нью-Йорк, то им должны обязательно помочь. Это не так. Надгробие на могиле Ольги Спесивцевой в Новоигреево — есть и у нас тут такой район — он помог поставить. Вместе с Натальей Макаровой, Володией Васильевым... Прекрасный памятник сделал Юра Федоров — и денег не взял. Да много еще других примеров подобного рода.

А какие у него дети!.. Все такие спортивные, ловкие, хотя балетом никто не занимается. Старшая дочь Шура — от Джессики Ланж — должна родить дней через пять-десять, и Миша впервые станет дедушкой. Сын Петя — от Лизы Райнхардт (она работала в АБТ с Мишей, чудная жен-

щина, всегда такая спокойная, с сильным характером) — ставит домашние спектакли, записывает их на пленку, с компьютером на ты абсолютно, фигура какая, выправка, можно сказать, балетная. Они сейчас живут под Нью-Йорком, иногда в Париже — там у них квартира на Сэн-Луи, и еще есть дача, вилла в Доминиканской Республике на, может быть, лучшим в мире пляже Пунтакана: Чудное место! Рай. Миша там любит поплавать, поохотиться, поудить рыбу, поскакать верхом. Там Мише предложили поселиться его друзья — Оскар де ла Рента (он рядом живет) и и Хулио Иглесиас. Такое, знаете, место для своих. Миша выстроил сам дом — в течение двух лет. Получилось эlegantное такое римское палаццо. Там он принимает своих друзей, когда свободен. Но сейчас у него еще одна стройка. Международный центр искусств в Нью-Йорке, который откроется через год. Там будут обучаться балету и другим искусствам. Понимаете, он все время трудится, все время что-то делает. А когда спросишь: «Что ты сейчас делаешь?» — ответ: «Арбайтен». Так и покойный Ося отвечал. Но проекты у него всегда есть. Он в движении, несмотря на мучения, которые приносит танец, тем более в его возрасте. Ведь это подвиг, я считаю: когда все тело изменилось — руки, плечи, ноги — он ходит на класс к Азарью Плисецкому и работает с полной нагрузкой. Планы его, правда, не в России. И он на родину, по-моему, не собирается. Пришел в обыкновенной куртке, спортивной, в ковбойских таких сапогах на каблучке, был очень симпатичный, хорошенький, я бы сказала. И я спросила: «Вы сладкое любите?» — «Нет, я предпочитаю покурить, когда дают сладкое». Но мой торт съел. Бывал он и у нас дома в Стокгольме. Один бывал и вместе с Бродским, которого мой муж — профессор-славист — переводил на шведский. С Бродским они очень дружили. «Он колоссальной культуры человек», — сказал Бродский о Барышникове. Он подразумевал под этим не только знания, эрудицию, образованность, но и чувственность. Они мечтали инкогнито вместе махнуть из Стокгольма в Петербург, по которому, конечно, тосковали, но это не вышло.

«на вопрос, что ты сейчас делаешь, он отвечает: “арбайтен”»

«он очень смешно изображал, как Евтушенко читает стихи»

Елена Янгфельдт-Якубович, актриса, певица, Стокгольм:

Барышникова я увидала в Нью-Йорке, у Бродского, когда он устроил мой день рождения. Иосиф жил на первом этаже, его соседками были две дамы, которые всячески опекали великого поэта. И вот они приготовили все, я испекла пирог такой шведский — с клубникой и со сливками, он мне и моей подруге капал на одежду, так как растаял в такси — жарко было. Иосиф пригласил и Барышникова, а у немногого волновалась, потому что такой гость...

Он оказался очень простым. Очень смешно изображал, как Евтушенко читает стихи. Пришел в обыкновенной куртке, спортивной, в ковбойских таких сапогах на каблучке, был очень симпатичный, хорошенький, я бы сказала. И я спросила: «Вы сладкое любите?» — «Нет, я предпочитаю покурить, когда дают сладкое». Но мой торт съел. Бывал он и у нас дома в Стокгольме. Один бывал и вместе с Бродским, которого мой муж — профессор-славист — переводил на шведский. С Бродским они очень дружили. «Он колоссальной культуры человек», — сказал Бродский о Барышникове. Он подразумевал под этим не только знания, эрудицию, образованность, но и чувственность. Они мечтали инкогнито вместе махнуть из Стокгольма в Петербург, по которому, конечно, тосковали, но это не вышло.